

~~XX~~ I
M 69 M 69

П. Е. МИХАЙЛОВЪ.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА

ПЕРЕДЪ

СУДОМЪ РУССКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ.

ВЫПУСКЪ II.

Критика проф. Р. М. Орженцаго.

5695
219939 Теоф. нр

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Б. М. Вольфа, Невскій пр., 126 (уг. Суворовск.).

1910.

СПбГУ

Посвящается

Высокоуважаемому

и

дорогому учителю моему

Профессору

Льву Иосифовичу

ПЕТРАЖИЦКОМУ.

СПбГУ

I.

Въ Вып. I. брошюры „Психологическая теорія права предъ судомъ русской юриспруденціи“ (Спб. 1910) мнѣ уже приходилось говорить, что «нынѣ врядь-ли какая другая теорія въ русской юриспруденціи обратила на себя столько вниманія, вызвала столько критикъ etc., какъ именно „психологическая теорія права» проф. Петражицкаго, о которой накопила уже довольно обширная критическая литература“¹⁾. Въ этой обширной литературѣ критика проф. Орженцкаго²⁾ занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ, какъ по своему замыслу, такъ и по искренности выясненія научной истины. Но и къ ней приложимо сказанное мною раньше въ брошюрѣ, «что самая теорія проф. Петражицкаго въ передачѣ и толкованіи ея критиковъ является далеко не подлинной»³⁾.

Проф. Орженцкій задался цѣлью рассмотреть ученіе Л. I. Петражицкаго только съ одной стороны, а именно, „поскольку оно включаетъ въ себѣ основанія для уясненія природы соціальнаго явленія вообще, хотя бы и на частномъ примѣрѣ права“ (стр. 111). Такова задача критика. И, нужно отдать справедливость, критикъ вѣрно уловилъ подлинный центръ тяжести, главный общій нервъ всего ученія Петражицкаго, начиная свою критику, именно съ *эмоціональной* теоріи, съ основного психологическаго фундамента всей „психологической теоріи права“.

1) Стр. 6. Ср. мою статью: Споръ „психологической теоріи права“ съ теоріей „внѣшнихъ императивовъ“. „Право“, 1910. № 12.

2) „Вопросы Философій и Психологій“, 1908 кн. 91 (I).

3) Стр. 6. Ср. „Право“, № 12, стр. 721.

Какъ извѣстно, проф. Петражицкій высказался противъ традиціонной классификаціи современной психологіи, основанной на дѣленіи всѣхъ элементовъ психической жизни на три категоріи: познаніе, чувство, воля, указывая, что существуютъ такія психическія явленія, которыя не подходятъ ни подъ одну изъ установленныхъ традиціонной психологіей рубрикъ. Онъ говоритъ: „существуетъ множество психическихъ явленій, сродныхъ другъ съ другомъ по качеству, по причиннымъ свойствамъ и по (весьма существеннымъ) біологическимъ функціямъ и существенно отличныхъ въ этихъ отношеніяхъ отъ явленій познанія, чувства и воли, и такимъ образомъ не находящихся надлежащаго мѣста въ традиціонной трехчленной классификаціи и требующихъ для надлежащаго изученія установленія особаго, четвертаго основного класса“⁴⁾. Специфическая особенность данныхъ психическихъ переживаній состоитъ въ томъ, что всѣ они имѣютъ двойственную, *пассивно-активную* природу (претерпѣваніе—позывъ). Но эта двойственная структура отнюдь не представляетъ собою двухъ самостоятельныхъ и могущихъ быть переживаемыми отдѣльно другъ отъ друга психическихъ явленій, а — лишь двѣ стороны одного неразрывнаго, по самому существу своему неразложимаго цѣлаго, единое психическое недѣлимое съ двойственнымъ, пассивно-активнымъ характеромъ (Введеніе, стр. 221).

Таковы переживанія голода-аппетита, жажды, полового возбужденія, любопытства, страха и пр. и пр.

Всѣ эти явленія нашей психики проф. Петражицкій объединяетъ въ одинъ (четвертый) классъ психическихъ явленій подъ общимъ объединяющимъ названіемъ или терминомъ — *эмоцій* или *импульсій* (моторныхъ возбужденій). (Введеніе, стр. 265).

Такимъ образомъ, получается новая классификаціонная схема элементовъ психической жизни: 1) двустороннія, пассивно-активныя переживанія—*эмоціи* или *импульсіи*; 2) одностороннія, распадающіяся въ свою очередь на: а) односторонне-пассивныя—*познавательныя* и *чувственныя* переживанія и б) односторонне-активныя — *волевыя* переживанія. Именно, „эмоціи представляютъ по своей двойственной,

⁴⁾ Введеніе въ изученіе права и нравственности. Эмоціональная психологія. 1905. стр. 211. См. Петражицкій. Теорія права, I 1907. стр. 1—2.

раздражительно-моторной природѣ коррелятъ двойственной, центростремительно-центробѣжной, анатомической структуры нервной системы и двойственной, раздражительно-моторной, физиологической функции этой системы и прототипъ психической жизни вообще съ ея двойственнымъ пассивно-активнымъ характеромъ“⁵⁾.

Проф. Орженцкій не соглашается съ этимъ ученіемъ объ эмоціяхъ, какъ объ элементарныхъ, неразложимыхъ психическихъ феноменахъ, равноправныхъ „съ процессами познавательными, чувственными и волевыми“ (стр. 112). Отвергаетъ же онъ данную конструкцію проф. Петражицкаго на слѣдующемъ основаніи. „При дѣленіи психики — говоритъ критикъ — на интеллектуальные, чувственные и волевые процессы не имѣется въ виду указать состоянія, которыя конкретно могли-бы быть переживаемы каждое особо и отдѣльно отъ другихъ; нѣтъ состояній, которыя конкретно переживались бы какъ чистое ощущеніе, чистое чувство или чистая воля. Дѣйствительныя переживанія состоятъ изъ сложнаго, конкретно-нераздѣльнаго комплекса или потока. Лишь путемъ теоретическаго анализа мы различаемъ въ дѣйствительномъ переживаніи явленія разнаго характера и путемъ изолирующей абстракціи сводимъ ихъ къ простѣйшимъ элементамъ, которые считаемъ далѣе неразложимыми, элементарными... Такимъ образомъ элементы психики—познаніе, чувство, воля—представляютъ собою теоретическія абстракціи и имѣютъ въ психологіи такое же значеніе, какъ и аналогичныя абстракціи въ другихъ наукахъ, на примѣръ, понятіе атома въ химіи“ (стр. 112—113).

„Отсюда слѣдуетъ, что возможность отереть въ нашей психикѣ существованіе такихъ переживаній, которыя не подходятъ ни подъ одинъ изъ простѣйшихъ психическихъ элементовъ и въ которыхъ пассивная сторона конкретно не можетъ быть отдѣлена отъ активной—такая возможность нисколько не противорѣчитъ сама по себѣ дѣленію психики на познаніе, чувство и волю: всякое дѣйствительное переживаніе не подойдетъ ни подъ одну изъ названныхъ рубрикъ. Поэтому самъ фактъ, что состоянія, которыя проф. Петражицкій называетъ эмоціями, также не могутъ быть конкретно переживаемы по частямъ, нисколько еще не свидѣтельствуетъ, что эти

⁵⁾ Введеніе, стр. 266. См. объ этомъ подробно: Введеніе, стр. 210—293

состоянія простые и не могутъ быть раздѣлены абстрактно на болѣе простые элементы“. (стр. 113—114).

Какой же выводъ дѣлаеть отсюда проф. Орженцвй? «Допустимъ, говоритъ онъ, что ихъ нельзя пережить отдѣльно; но вѣдь и удовольствіе отъ созерцанія голубого цвѣта нельзя пережить отдѣльно отъ голубого цвѣта. Если же мы въ томъ или иномъ переживаніи абстрактно различаемъ два момента, которые по своей природѣ сознаются, какъ прямо противоположные, мы въ правѣ и должны различать ихъ, должны считать переживаемое состояніе сложнымъ и состоящимъ изъ двухъ абстрактно раздѣльныхъ простѣйшихъ элементовъ. Поэтому и эмоціи, въ которыхъ мы переживаемъ два явно отличныхъ состоянія—пассивное претерпѣваніе и активно-моторное понуканіе, должны быть абстрактно раздѣлены на двѣ составныя части.

Раздѣливъ же эмоцію на двѣ ея абстрактныя составныя части, мы безъ всякой натяжки и безъ малѣйшаго труда можемъ уложить ее въ рубрики извѣстныхъ психологич. конечныхъ элементовъ. Активная часть эмоціи—понуканіе, позывъ, моторное раздраженіе—очевидно, не что иное, какъ волевой процессъ въ той или другой стадіи его развитія, тогда какъ пассивный остатокъ—«претерпѣваніе»—обыкновенный спутникъ волевого процесса, иногда нѣсколько ранѣе появляющійся въ сознаніи, часто почти незамѣтный—чувство“. (стр. 115).

Итакъ, эмоція—не простое, первичное, элементарное психическое явленіе (какъ утверждаетъ проф. Петражицвй), а сложное явленіе, «сложный психическій комплексъ», уже по одной «очевидности» доступный разложенію на простѣйшіе элементы:—«волевой процессъ» и «чувство». Таково утвержденіе проф. Орженцкаго. Постараемся разобратъся въ его аргументаціи.

Прежде всего, любопытно узнать: почему критику «очевидно», что «пассивный остатокъ» эмоціи есть чувство, а не познаніе, которое, вѣдь, также пассивно? Отвѣта на это у критика не имѣется, да врядъ-ли онъ и задавался такимъ вопросомъ вообще. Главный же аргументъ, вѣрнѣе, аргументаціонная предпосылка критика состоитъ въ томъ, что нѣтъ переживаній, которыя бы конкретно переживались, какъ элементарно-чистыя состоянія. «Дѣйствительныя пережи-

ванія состоятъ изъ сложнаго, конкретно-нераздѣльнаго комплекса или потока». Такъ, „чувство переживается только вмѣстѣ съ интеллектуальными процессами“, въ то же время „чувство конкретно нераздѣльнымъ переживаніемъ переходитъ въ воленіе, являясь нѣкоторой стороной волевого процесса“; «равнымъ образомъ и *ощущеніе* является *органической* составной частью воленія» и, наконецъ, «въ самыхъ *познавательныхъ* процессахъ мы открываемъ элементы *волевыхъ* явленій». (стр. 113). Лишь путемъ изолирующей абстракціи разлагаются эти сложные комплексы психическихъ процессовъ на простѣйшіе элементы, неразложимые по самой своей идѣ: — познаніе, чувство, волю. Ибо эти элементы психики—суть теоретическія абстракціи науки и ничего больше, какъ признается, по увѣренію критика, въ современной наукѣ психологіи, къ каковому признанію примыкаетъ и проф. Орженцкій, почерпнувъ свои свѣдѣнія у Lehman'a, Wundt'a и друг.

Итакъ, открытіе проф. Петражицкимъ эмоцій или импульсій оказалось, по мнѣнію критика, простымъ незнакомствомъ автора съ работами тѣмъ ученыхъ (Lehman, Wundt, Simmel), на основаніи знакомства съ которыми самъ критикъ дѣлаетъ свои построенія и выводы. Такъ-ли это на самомъ дѣлѣ?

Конечно, кто внимательно читалъ «Эмоціональную психологію» проф. Петражицкаго, тому сразу же станетъ ясно, что дѣло не въ этихъ трудахъ нѣмецкихъ ученыхъ, т. к. автору ея были извѣстны и труды Lehman'a и Wundt'a и другихъ ⁶⁾. Проф. Петражицкій, именно, и возстаетъ противъ представителей современной психологіи, что они недостаточно различаютъ явленія психической жизни и, именно, съ теоретической точки зрѣнія дѣлаютъ непростительные промахи, сливая одни переживанія съ другими. Послушно слѣдуетъ за ними и г. Орженцкій. *Ощущеніе* у него является «*органической составной частью воленія*», самое же *воленіе* является такой же частью *познавательныхъ* процессовъ; *чувство*, въ свою очередь, также является «*стороной волевого процесса*», какъ оно нераздѣльно и съ процессами *интеллектуальными* и т. д. Нельзя сказать, чтобы здѣсь

⁶⁾ См. Введеніе, стр. 149, 168, 175, 177, 194, 206, 212, и 215 примѣч., гдѣ говорится о Wundt'ѣ, а также и о Lehman'ѣ стр. 198 и 200.

было представлено точное пониманіе элементовъ нашей психики. Вѣдь, если „ощущеніе является органической составной частью воленія“, то ясно, что самое воленіе *eo ipso* не можетъ уже служить и абстрактнымъ критеріемъ для классификаціи психическихъ явленій, ибо оно уже является не простымъ, не элементарнымъ, а *органически* сложнымъ съ ощущеніемъ, слѣдовательно, *воленіе* уже ни въ коемъ случаѣ нельзя ставить на ряду съ *познаніемъ* (ощущеніе), т. е. послѣднее только *простая часть* воленія, воли. Но вдругъ критикъ увѣряетъ, что и *воленіе* есть такая же *часть познанія*, т. е. что и самое познаніе является сложнымъ комплексомъ, а не простымъ элементомъ психики. Слѣдовательно, и познаніе упраздняется изъ категоріи *элементовъ* психики, какъ только что упразднилъ оттуда критикъ и волю, воленіе. Остается еще чувство. Чувство, говоритъ критикъ, является простой „стороной волевого процесса“, т. е. воли. Отсюда ясно, что воля, несомнѣнно, „сложный комплексъ“, вбирающій въ себя и познаніе, и чувство. Относительно же соотношенія чувства и познанія критикъ не такъ ясенъ, онъ указываетъ лишь, что чувство „переживается *только вмѣстѣ* съ интеллектуальными процессами“, образуя «единое познавательное чувственное переживаніе». Но отсюда, въ то же время, ясно, что познаніе тоже „сложный комплексъ“, имѣющій въ себѣ воленіе и „нераздѣльно“, „органически“ связанный съ чувствомъ. Итакъ, остается лишь одно *чувство*, какъ простой *неразложимый элементъ* нашей психики. Въ него одного ничто не входитъ „органической составной частью“. Но, не смотря на это, проф. Орженцкій въ то же время признаетъ, что элементами нашей психики являются—познаніе, чувство и воля, какъ равноправныя, уже неразложимыя переживанія.

Любопытно, какъ могъ придти критикъ къ такому заключенію, когда по его же разсужденіямъ только чувство оказывается неразложимымъ элементомъ нашей психики, а познаніе и воля суть «сложные комплексы» психическихъ процессовъ?

Но далѣе изъ разсужденій критика вытекаетъ слѣдующее важное послѣдствіе. Разъ мы не можемъ указать отъ одного психическаго переживанія, которое протекало-бы въ нашемъ сознаніи въ своей *индивидуальности*, то *eo ipso* у насъ ни откуда не можетъ взяться и абстрактнаго критерія для распознаванія элементовъ психи-

ческой жизни, соответствующаго данному *индивидуальному* виду психическихъ феноменовъ. Откуда мы можемъ знать, напримѣръ, что въ данномъ сложномъ психическомъ комплексѣ такія-то психическія явленія суть познаніе, такія-то—воля etc., разъ индивидуально—изолированно наблюдать ихъ нельзя? При такомъ смутно-неопредѣленномъ пониманіи элементовъ психики нельзя было бы построить никакой психической классификаціи, т. к. въ нашемъ распоряженіи не нашлось бы ни одного распознавательнаго критерія для данной классификаціи.

Если же критикъ понимаетъ свое утвержденіе о конкретной нераздѣльности психическихъ переживаній въ томъ смыслѣ, что они протекаютъ въ нашемъ сознаніи, какъ единый непрерывный потокъ нераздѣльно-смѣняющихся психическихъ явленій (что, намъ думается, по существу и имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности), то и тогда онъ не можетъ отрицать распознаваемости элементовъ психическихъ явленій вообще, т. к. между такими двумя утвержденіями находится принципиальная пропасть. Изъ конкретно—нераздѣльнаго потока психическихъ переживаній вообще заключать о невозможности наблюденія и распознаванія психическихъ явленій въ ихъ индивидуальной особенности—значитъ отрицать возможность психологіи съ ея интроспективнымъ методомъ. Но опытъ показываетъ намъ, что непрерывный потокъ психическихъ переживаній отнюдь не дѣлаетъ невозможнымъ различенія въ немъ отдѣльныхъ элементарныхъ, индивидуальныхъ феноменовъ, специфически характерныхъ въ своей индивидуальной особенности. Такое различеніе вполне возможно и на немъ, именно, и основанъ психологическій методъ интроспекціи, добывающій матеріалъ для самой науки психологіи. Такъ что дѣйствительно - научная психологія не такъ беспомощна, какъ ее (безсознательно) представилъ проф. Орженцвій.

И если онъ утверждаетъ, что элементы психики суть только «теоретическія абстракціи», а не наблюдаемые индивидуально въ конкретныхъ переживаніяхъ явленія, то опять таки позволительно освѣдомиться у критика, почему онъ знаетъ, что данный абстрактный элементъ психики дѣйствительно соответствуетъ опредѣленному виду психическихъ переживаній, которыхъ онъ пережить и анализировать индивидуально никогда не можетъ?

Что психологія есть наука теоретическая, это врядъ-ли къмъ будетъ оспариваться, но что она произвольно устанавливаетъ «теоретическія абстракціи», критеріи, не могущіе быть выведенными изъ психологическаго наблюденія, интроспекціи, съ этимъ согласиться никакъ нельзя. Конечно, всякое классовое понятіе есть «теоретическая абстракція», ибо подъ классовымъ понятіемъ разумѣется, именно, *идея* всѣхъ такихъ предметовъ, которые обладаютъ извѣстными признаками, т. е. *идея* всего того, что мыслимо, какъ обладающее данными извѣстными признаками. (Введеніе, стр., 35). Поэтому и установленіе классовъ и классовыхъ понятій въ психологіи, естественно, имѣетъ дѣло съ „теоретическими абстракціями“, но не какъ съ произвольными измышленіями, а какъ, именно, съ идеями классовъ объектовъ, обладающихъ извѣстными *одинаковыми свойствами и признаками*. Вотъ эта-то принадлежность даннымъ психическимъ явленіямъ опредѣленныхъ, имъ (и только имъ) присущихъ, признаковъ и качествъ, ихъ *специфическая особенность* и служить научно-правильнымъ, годнымъ критеріемъ, основнымъ принципомъ раздѣленія психическихъ явленій на ихъ простѣйшіе элементы.

Такъ что самыя «теоретическія абстракціи», элементарныя понятія психологіи въ своей специфической особенности, именно, соотвѣтствуютъ реальнымъ психическимъ переживаніямъ даннаго элементарнаго вида. Поэтому, если какіе-либо психическіе феномены сродны другъ съ другомъ по качеству, по причиннымъ свойствамъ и существеннымъ біологическимъ функціямъ и ео ipso существенно отличны въ этихъ отношеніяхъ отъ другихъ психическихъ явленій, то, естественно, что данные феномены образуютъ особую группу, особый *специфическій* классъ психическихъ переживаній, которому и должна соотвѣтствовать въ качествѣ общаго, классоваго понятія одна изъ элементарныхъ «теоретическихъ абстракцій» науки психологіи. А если это такъ, то и эмоціи, какъ особыя психическія переживанія, „сродны другъ съ другомъ по качеству, по причиннымъ свойствамъ и по (весьма существеннымъ) біологическимъ функціямъ и отличны въ этихъ отношеніяхъ отъ явленій познанія чувства и воли“, должны тѣмъ самымъ образовать особый основной, специфическій классъ психическихъ явленій, которому въ самой наукѣ психо-

логи должна соответствовать особая элементарная «теоретическая абстракция», особое основное классовое понятие—эмоции или импульсы. Лишь ошибочными предпосылками проф. Орженцкаго можно объяснить то возражение, которое онъ дѣлаетъ проф. Петражицкому, «что возможность открыть въ нашей психикѣ существованіе такихъ переживаній, которыя не подходятъ ни подъ одинъ изъ простѣйшихъ психическихъ элементовъ, нисколько не противорѣчитъ дѣленію нашей психики на познаніе, чувство и волю». (Стр. 113). Намъ же кажется, что если бы даже не цѣлый рядъ психическихъ эмоціо-нальныхъ явленій былъ обнаруженъ проф. Петражицкимъ, но лишь одно явленіе даннаго порядка, напр., голодъ-аппетитъ, то и тогда уже слѣдовало бы сказать, что традиціонная классификація не-правильна и не соответствуетъ дѣйствительной психической жизни.

Но г. Орженцкій, именно, и не соглашается съ тѣмъ, что эмоции или импульсы суть простѣйшіе неразложимые элементы психики. Онъ прямо говоритъ, что въ нихъ ясно можно различить двѣ совершенно несходныя формы переживанія—пассивную и активную, а въ такомъ случаѣ онъ „должны быть раздѣлены на двѣ составныя части“, изъ которыхъ одна, активная часть, позывъ, есть „очевидно“ не что иное, какъ „волевой процессъ“, а другая, пассивная, претерпѣваніе—«чувство» (стр. 115). Ибо, аргументируетъ данное раздѣленіе критикъ, если двойственную природу эмоціи «нельзя пережить отдѣльно», то «вѣдь и удовольствіе отъ созерцанія голубого цвѣта нельзя пережить отдѣльно отъ голубого цвѣта». (стр. 115). Думаемъ, что такой аргументъ весьма неподходящъ для смѣлаго вывода изъ него критика. Вѣдь, удовольствіе отъ созерцанія голубого цвѣта нельзя пережить *отдѣльно* отъ голубого цвѣта только *въ томъ смыслѣ*, что созерцаніе голубого цвѣта служитъ раздражительнымъ поводомъ къ переживанію удовольствія, но отнюдь не «органической, составною частью» самаго удовольствія, т. к. иначе и самъ критикъ не смогъ бы сказать, что въ этомъ «сложномъ комплексѣ» есть «удовольствіе» и *что* созерцаніе. На самомъ же дѣлѣ, самое переживаніе голубого цвѣта (ощущеніе) существенно отлично по своей *специфической* природѣ отъ переживанія удовольствія (чувство), полученнаго отъ даннаго созерцанія. Такъ что въ этомъ «сложномъ комплексѣ» дѣйствительно слѣдуетъ раздѣлить *познаніе* (созерцаніе

голубого цвѣта) отъ *чувства* (удовольствіе отъ созерцанія), но отнюдь не изъ-за того, что ихъ «нельзя пережить *отдѣльно*» (фактически выполнѣ возможно созерцать и не переживать удовольствія), а потому, что самыя переживанія созерцанія и удовольствія *существенно* отличны другъ отъ друга по своей психической природѣ. Поэтому совершенно ошибочно и опрометчиво проф. Орженцкій полагаетъ по, „очевидности“, что эмоція состоитъ изъ „волевого процесса“ и „чувства“, на что „безъ малѣйшаго труда“, именно, разложилъ критикъ моторное возбужденіе или импульсію. Какъ можно сознательно приурочивать специфически-особливое психическое переживаніе—эмоцію къ совершенно разнороднымъ по самой своей природѣ, гетерогеннымъ психическимъ явленіямъ — чувству и волѣ. Тутъ нарушается самый основной принципъ научной психологіи — отнесеніе явленій къ специфическому классу.

Въ своей „эмоціональной психологіи“ проф. Петражицкій, именно, и борется съ обычнымъ неразличеніемъ *специфически* - разнородныхъ явленій психики въ современной психологіи, на почвѣ какового неразличенія и происходитъ то „блужданіе“ психическихъ феноменовъ изъ рубрики въ рубрику, о которомъ отчетливо говоритъ проф. Петражицкій. Тотъ же дефектъ неразличенія обнаруживается и наблюдается и у проф. Орженцкаго. Вѣдь, раздѣлять эмоціи—психическія переживанія со специфическими причинными свойствами и специфической біологической функціей, раздѣлять ихъ на *специфически* иные феномены—волю и чувство, это все равно, что раздѣлять, напр., водородъ, или кислородъ на азотъ, хлоръ и т. под. Кромѣ несообразности, ничего, конечно, получится отъ такой операціи и не можетъ.

II.

Но на этомъ не заканчивается разсмотрѣніе эмоціональнаго ученія со стороны проф. Орженцкаго. Онъ подвергаетъ своей критикѣ и индуктивное доказательство проф. Петражицкаго относительно существованія эмоцій. Таковымъ (на ряду съ другими) доказательствомъ „несостоятельности принятаго въ современной психологіи способа объ-

ясненія психическихъ явленій и существованія эмоцій“, является для Петражицкаго научное изслѣдованіе особаго, всѣмъ извѣстнаго, психическаго явленія—голода-аппетита ¹⁾).

Существо взгляда проф. Петражицкаго на данное явленіе состоитъ въ слѣдующемъ. «Прежде всего, это слово (голодь) двусмысленное. Если въ жизни или науцѣ говорится, что „голодь истощаетъ организмъ“, „голодь вредитъ здоровью“ и т. п., то здѣсь „голодь“, „голоданіе“ и т. п. вообще не означаютъ какаго либо психологическаго явленія, а имѣютъ въ виду особое ненормальное фізіологическое (патологическое) состояніе, недостаточное питаніе организма, каковое явленіе мы можемъ назвать „фізіологическимъ голодомъ“. Въ другихъ случаяхъ слово „голодь“ означаетъ специфическія внутреннія переживанія, особые психическіе феномены“. При этомъ замѣчается, что «въ случаѣ меньшей интенсивности соответственныхъ специфическихъ переживаній предпочитается обыкновенно слово „аппетитъ“, въ случаѣ же большей силы говорится „голодь“. (ibid. стр. 216—217). Для научной цѣли проф. Петражицкій выбираетъ одинъ терминъ «*голодь-аппетитъ*», равно относимый ко всѣмъ соответственнымъ психическимъ явленіямъ безъ различія ихъ интенсивности въ проявленіи. „Что касается отношенія голода аппетита къ фізіологическому голоду, то это не только двѣ совершенно различныя категоріи явленій, но онѣ даже не состоятъ другъ съ другомъ въ отношеніи неразрывной связи или постояннаго и абсолютнаго параллелизма, каковое предположеніе (вслѣдствіе указанныхъ особенностей словоупотребленія) лежитъ въ основѣ ходячихъ ученій о голодѣ“ (стр. 217). Такъ, напр., появленіе аппетита можно вызывать при отсутствіи фізіологическаго голоданія при помощи чисто-психическихъ переживаній (ощущеній, воспріятій, представленій), напр., путемъ запаха или вида вкусныхъ, „лакомыхъ“ блюдъ и т. под. Съ другой стороны, при наличности фізіологическаго голоданія можно предотвратить появленіе психологическаго голода или, просто заставить исчезнуть наличный аппетитъ тоже путемъ разныхъ психическихъ воздѣйствій. Такъ, напр., видъ червей или иныхъ наѣдомыхъ въ поданной ѣдѣ, или запахъ духовъ и т. под. въ ѣдѣ, все это

¹⁾ Эмоціональная психологія („Введеніе“) 1905. стр. 212—226.

имѣть тенденцію умалить, или заставить аппетитъ совершенно исчезнуть. Таеъ же дѣйствуетъ страхъ, испугъ, гнѣвъ, любопытство, стыдъ, любовныя волненія etc. Кромѣ того, большую роль играетъ и привычка; мы обыкновенно переживаемъ голодъ-аппетитъ въ то время, въ какое мы уже привыкли принимать пищу (обѣдать и т. под.). Въ случаѣ опозданія, напр., обѣда аппетитъ подчасъ ослабѣваетъ, или даже временно исчезаетъ, хотя фізіологическое голоданіе отъ такого опозданія, надо думать, нисколько не уменьшается, а, скорѣе, еще должно возрасти. Это явленіе несоотвѣтствія фізіологическаго голоданія и психологическаго голода, а также зависимость появленія, измѣненія и исчезновенія голода-аппетита отъ разныхъ другихъ (случаи опозданія обѣда и т. п.), въ особенности же чисто психическихъ факторовъ ясно показываютъ „недопустимость и безнадежность какихъ-бы то ни было попытокъ построенія теоріи голода путемъ нахождения или придумыванія фізіологическихъ раздражителей на почвѣ недостаточнаго питанія и соотвѣтственныхъ ощущеній“ (стр. 219). Таково несогласіе проф. Петражицкаго съ тѣми психологами, которые „относятъ голодъ къ ощущеніямъ и опредѣляютъ его, какъ органическое, вызываемое внутренне-органическими раздражителями, ощущеніе“ (стр. 215).

Что касается тѣхъ ученій психологовъ, которыя «относятъ голодъ къ чувствамъ, а именно къ отрицательнымъ чувствамъ, страданіямъ, вызываемымъ ненормальнымъ фізіологическимъ состояніемъ организма», (стр. 215) то проф. Петражицкій и къ нимъ относитъ *mutatis mutandis* уже „сказанное о теоріяхъ голода, какъ органическихъ ощущеній» (стр. 220). Кромѣ того, „голодъ-аппетитъ не только не есть страданіе, но даже и не сопровождается нормально никакими страданіями“, а, скорѣе, положительнымъ чувствомъ удовольствія, нѣкоторой пріятностью (ср. пожеланіе «хорошаго» или „пріятнаго аппетита“, какъ народный обычай вѣжливости). И въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ смѣшивать *психологическаго голода-аппетита съ фізіологическимъ голоданіемъ*.

Отвергнувъ, такимъ образомъ, существующія несостоятельныя теоріи о явленіи голода-аппетита, Петражицкій даетъ свое опредѣленіе. „Голодъ-аппетитъ есть не ощущеніе и не чувство, а явленіе особаго рода, не подходящее вообще ни подъ одну изъ существующихъ

психологических рубрикъ и представляющее, съ одной стороны, своеобразное, *отличное какъ отъ ощущений, такъ и отъ чувствъ*, претерпѣваніе—съ другой стороны, своеобразное внутреннее понуканіе, позывъ, appetitus—и могущее быть охарактеризованнымъ, какъ *пассивно-активное переживаніе* или импульсивное возбужденіе“ (стр. 221).

„При этомъ *особо слѣдуетъ подчеркнуть*“—говоритъ проф. Петражицкій—что пассивная и активная стороны даннаго психического процесса суть „двѣ стороны одного неразрывнаго цѣлага, единое психическое недѣлимое съ двойственнымъ пассивно-активнымъ характеромъ“ (стр. 221). „Если нѣтъ никакого „аппетита“, т. е. позыва, то eo ipso нѣтъ и голода въ *психологическомъ* смыслѣ“ (стр. 222). Таково пониманіе проф. Л. И. Петражицкаго.

Проф. Орженцкій не соглашается съ такимъ пониманіемъ и находитъ, что „изслѣдованіе явленія голода (проф. Петражицкимъ) не приводитъ къ убѣжденію въ необходимости признать голодъ эмоціей въ его смыслѣ“ (стр. 119). Относительно же детальнаго разбора даннаго пониманія критикъ высказываетъ слѣдующее.

„Главное возраженіе“ критика противъ утвержденія проф. Петражицкаго о явленіяхъ несоотвѣтствія физиологическаго голоданія и психологическаго голода-аппетита состоитъ въ томъ, „что было бы лучше предоставить рѣшеніе этихъ вопросовъ физиологамъ“ (стр. 117). Вполнѣ соглашаясь, что вопросы изъ области физиологіи лучше всего предоставить разрѣшать физиологамъ, остается все же неяснымъ, почему критикъ рѣшаетъ, что въ данныхъ явленіяхъ несоотвѣтствія голоданія и голода-аппетита всѣ вопросы подлежатъ вѣдѣнію физиологіи, и никакіе психологіи, разъ признавать, что голодъ-аппетитъ есть, именно, *психическое* явленіе?

Что же касается отрицанія проф. Петражицкимъ ученія о голодѣ-аппетитѣ, какъ о чувствѣ и даже страданіи, то проф. Орженцкій возражаетъ на это: „*переживаніе голода* представляетъ собою *сложный психическій комплексъ*, состоящій изъ разнообразныхъ интеллектуальныхъ, чувственныхъ и волевыхъ процессовъ, возникающихъ на почвѣ органическихъ ощущений и сопровождающихся сложными аккомодациями разныхъ органовъ. Съ устраненіемъ (мысленнымъ или экспериментальнымъ) сколько нибудь значительной части этого комплекса голодъ перестаетъ быть голодомъ“ (стр. 117). Здѣсь критикъ,

вѣроятно, хочетъ на примѣрѣ защитить свой тезисъ, что „дѣйствительныя переживанія состоятъ изъ сложнаго, конкретно-нераздѣльнаго комплекса“; но и здѣсь опять слѣдуетъ сказать, что онъ не различаетъ разныхъ вещей, какъ, на примѣрѣ, *специфическаго* переживанія голода-аппетита отъ *сопровождающихъ его*, иныхъ психическихъ процессовъ (ощущеній, чувствъ etc.). Проф. Петражицкій неоднократно подчеркиваетъ въ своемъ трудѣ о необходимости элиминированія для надлежащаго познанія голода-аппетита разныхъ сопровождающихъ его чувствъ и ощущеній и, даже, особенно рекомендуетъ для этого такъ называемый „методъ дразненія“ аппетита и т. под. (стр. 220, 221 прим.) Критикъ, вѣроятно, не воспользовался указаніемъ проф. Петражицкаго и не примѣнилъ надлежащаго психологическаго наблюденія, а просто положился на слова авторитетныхъ для него психологовъ (Wundt, Lehmann и друг.); но, вѣдь, извѣстно, что „ознакомленіе съ психическими процессами разныхъ родовъ и видовъ не можетъ быть достигнуто съ чужихъ словъ безъ соотвѣтственнаго самопознанія, безъ интроспективнаго познанія“. (Петражицкій: Теорія права, I. стр. 71 прим.). Въ случаѣ же примѣненія критикомъ даннаго метода онъ ясно различилъ-бы, что *специфическое* пассивно-агитивное переживаніе голода-аппетита, отнюдь, не есть „сложный психическій комплексъ, состоящій изъ разнообразныхъ интеллектуальныхъ, чувственныхъ и волевыхъ процессовъ“, а именно, своеобразное *эмоціональное* переживаніе двойственнаго характера. Но сейчасъ же критикъ и самъ отступается отъ своего взгляда на голодъ-аппетитъ, какъ на „сложный психическій комплексъ“ и ищетъ тотъ *элементъ*, что „придаетъ всей картинѣ тотъ послѣдній своеобразный штрихъ, который главнымъ образомъ и *по преимуществу* дѣлаетъ изъ всей совокупности переживаемыхъ состояній *то, что* мы называемъ голодомъ“ (стр. 118). Итакъ, дѣло ужъ только въ „элементѣ“, а не въ „комплексѣ“! Но далѣе, мнѣніе проф. Орженцкаго еще болѣе характерно, когда онъ утверждаетъ: „такимъ элементомъ мы не назовемъ ни рядъ *представленій о пищѣ* или *ѣдѣ*, ни моторныя раздраженія, стремящіяся перейти въ *ѣду* (?), ни рядъ *сопровождающихъ голодъ* физиологическихъ аккомодаций, а назовемъ именно то своеобразное чувственное состояніе, которое возникаетъ на почвѣ внутреннихъ органическихъ ощу-

щений. И притомъ именно *непріятное чувственное состояніе*“ (стр. 118) ²⁾. Итакъ, слѣдовательно, „то, что мы называемъ голодомъ“, есть ни что иное, какъ „непріятное чувственное состояніе“. „Разнообразные интеллектуальные и волевые процессы“ критикъ устранилъ изъ этого „сложнаго психическаго комплекса“ и оставилъ только „непріятное чувственное состояніе“. Но, вѣдь, онъ только что передъ этимъ утверждалъ, что „съ устраненіемъ сколько-нибудь значительной части этого комплекса голодъ *перестаетъ быть голодомъ*“. Слѣдовательно, теперь уже „голодъ“ проф. Орженцаго „пересталъ быть голодомъ“, ставъ, просто, „непріятнымъ чувственнымъ состояніемъ“, которое, въ свою очередь, по утверженію самого же критика, конечно, не голодъ, ибо „голодъ не есть ни простое ощущеніе, ни простое *чувство*“ (стр. 117—118). Таковы наглядныя противорѣчія почтеннаго критика.

Далѣе, простымъ недоразумѣніемъ звучитъ аргументація критика, что голодъ-аппетитъ—страдательное «чувство голода» (стр. 118). Упрекая проф. Петражицкаго, что „онъ смѣшиваетъ двѣ вещи: представленіе объ удовлетвореніи... голода съ самымъ чувствомъ голода“, критикъ долженъ былъ бы по справедливости этотъ упрекъ обратить, какъ разъ, на себя, ибо самъ онъ, дѣйствительно, смѣшиваетъ и эти двѣ вещи, и къ тому же еще *психологическій* голодъ аппетитъ съ *физиологическимъ* голоданіемъ. Онъ утверждаетъ: „если человѣкъ *уверенъ*, что, испытывая голодъ, онъ удовлетворитъ его

²⁾ Отсюда становится яснымъ, что проф. Орженцкій понимаетъ подъ голодомъ, какъ „сложномъ психическомъ комплексъ“. Это именно „непріятное *чувственное* состояніе + рядъ *представленій* о нищѣ + *моторныя раздраженія*, стремящіяся перейти въ ѣду + рядъ *сопровождающихъ* голодъ *физиологическихъ* аккомодаций“ etc. Но кто же, на самомъ дѣлѣ, можетъ сознательно утверждать, что «представленіе о пищѣ» есть «органической» элементъ *самаго переживанія* голода аппетита, безъ какового «голодъ перестаетъ быть голодомъ»? Или, какъ это можетъ случиться, что «рядъ *физиологическихъ* аккомодаций» входитъ также «органической частью» въ *психическое* переживаніе голода-аппетита, а устраненіе даннаго ряда разрушаетъ самое психическое явленіе голода? Подобное неразличеніе психическихъ явленій, а еще хуже психическихъ и физиологическихъ процессовъ, думается, не можетъ служить прочнымъ фундаментомъ при научно-психологической критикѣ.

то признаки аппетита доставляют ему радость», напротив, «у человека, не имющего надежды пообѣдать», голодъ-аппетитъ вызоветъ только «непріятное чувственное состояніе» (стр. 118). Именно, въ данномъ пониманіи критика и наблюдается смѣшеніе имъ эмоциональнаго переживанія голода-аппетита съ представленіемъ, „увѣренностью“, «надеждой» на удовлетвореніе голода. Такъ что упрекъ его отнесенъ не по надлежащему адресу, а, слѣдовательно, и страдательное чувство голода осталось безъ защиты, являясь голымъ утвержденіемъ.

Равнымъ образомъ возраженіе критика на тезисъ проф. Петражицкаго: „если нѣтъ никакого «аппетита», т. е. позова, то eo ipso нѣтъ и голода въ психологическомъ смыслѣ», основано на смѣшеніи психологическаго голода-аппетита съ фізіологическимъ голоданіемъ. Оно гласитъ: „бываютъ случаи переживанія голода съ отсутствіемъ всякаго аппетита, (и даже отвращеніемъ) къ ѣдѣ“ (стр. 118). Здѣсь голодъ означаетъ, именно, голоданіе, ибо въ противномъ случаѣ получается несообразность: случаи переживанія голода-аппетита безъ всякаго аппетита. А что при наличности фізіологическаго голоданія бываютъ случаи отвращенія къ ѣдѣ, объ этомъ самъ Петражицкій уже говоритъ въ своемъ «Введеніи» на стр. 217, 218, 284, и др. (напр., при нахожденіи червей и т. п. въ ѣдѣ).

До сихъ поръ проф. Орженцкій впадалъ въ недоразумѣнія изъ-за игнорированія основнаго психологическаго классификаціоннаго критерія проф. Петражицкаго и изъ-за смѣшенія имъ психологическаго голода-аппетита съ фізіологическимъ голоданіемъ, далѣе же критикъ начинаетъ просто приписывать Л. І. Петражицкому такія утвержденія, какихъ послѣдній и не выставлялъ.

Дѣло въ томъ, что проф. Петражицкій указываетъ на громадное большинство эмоцій, которыя «протекаютъ незамѣтно для переживающихъ ихъ и недоступны открытію для *невооруженнаго* глаза» (стр. 269). Какъ извѣстно, такимъ научнымъ „вооруженіемъ“ проф. Петражицкій считаетъ два метода—„дразненія“ и „противодѣйствія“ (стр. 273—283 и др.).

Проф. Орженцкій, прочитавъ эту (269-ю) страницу, иронически пишетъ: „естественно можетъ возникнуть сомнѣніе, будутъ-ли психическими такія переживанія, которыхъ нельзя открыть въ психинѣ

при всемъ желаніи и *искусствѣ*“? (стр. 119). Какъ видно, иронія безсильна, ибо проф. Петражицкій, какъ разъ, и указываетъ, что данныя эмоціи лишь „недоступны открытію для *невооруженнаго* глаза“, вооружившись же (т. е. „при искусствѣ“) научными методами „противодѣйствія“ и „дразненія“ эмоцій и данныя, казалось, скрытыя и незамѣтныя эмоціи великолѣпно можно открыть и наблюдать. Таѣ что эту иронию слѣдовало-бы отнести по адресу невниманія самого критика, но отнюдь не по адресу Петражицкаго.

Далѣе критикъ утверждаетъ, что „основаніемъ считать эти эмоціи психическими явленіями служитъ для проф. Петражицкаго то обстоятельство, что при извѣстныхъ условіяхъ можно искусственно повысить ихъ интенсивность и *ввести въ область* сознанія“, при чемъ ссылается на стр. 273-ю „Введенія“. На данной (273-ей) страницѣ, такого утвержденія со стороны проф. Петражицкаго не имѣется; тамъ рѣчь идетъ всего лишь о «будительно-вставательной» эмоціи, а не о введеніи эмоцій «въ область сознанія», какъ «основаніи» *психичности* этихъ послѣднихъ. Да и вообще проф. Петражицкій такого «основанія» никогда не выставлялъ, ибо *эмоціи* для него *всегда психическія* переживанія, а не только тогда, когда онѣ «введены въ область сознанія», т. е. осознаны и наблюдаемы. Вѣдь оттого, что кто-ниб. не принимаетъ своимъ психическимъ процессамъ, не осознаетъ ихъ отчетливо, вовсе не значитъ, что онѣ ихъ и не переживаетъ. А пониманіе проф. Орженцкаго именно таково. Онѣ полагаютъ, что, только введя эмоцію «въ область сознанія», можно почитать ее психическимъ явленіемъ, не осознанной же эмоціи, по его мнѣнію, совсѣмъ и переживать нельзя (стр. 119. ср. стр. 120).

Особенно же удивляетъ критика возможность нахождения эмоцій по наблюденнымъ соотвѣтственнымъ акціямъ, на что указываетъ проф. Петражицкій въ своемъ ученіи о т. наз. «объективномъ діагнозѣ» эмоціональныхъ переживаній (Введеніе, стр. 286—293).

Такой діагнозъ можетъ быть примѣняемъ съ соотвѣтственнымъ знаніемъ существа дѣла тамъ, гдѣ непримѣнимъ интроспективный методъ. «Такъ—пишетъ проф. Петражицкій,—зная акцію опредѣленной эмоціи и констатировавъ въ изслѣдуемой области наличность сочетанія такихъ явленій, совокупность которыхъ составляетъ акцію этой эмоціи, мы, и не будучи въ состояніи наблюдать самой эмоціи,

т. ск. не видя ея, имѣемъ почву для умозаключенія, что она имѣется на лицо. Такія умозаключенія тѣмъ вѣроятнѣе и достовѣрнѣе, чѣмъ основательнѣе и обстоятельнѣе извѣстна акція данной эмоціи in abstracto и чѣмъ болѣе соотвѣтственныхъ явленій и симптомовъ константировано in concreto». (Введение, стр. 286). Такой способъ открытія и опредѣленія эмоцій проф. Петражицкій и называетъ «объективнымъ диагнозомъ» (стр. 288).

Данное положеніе проф. Петражицкаго вдругъ сразу открыло глаза критику, и онъ сейчасъ же спѣшитъ заявить. «Теперь становится понятнымъ, что, собственно говоря, понимаетъ проф. Петражицкій подъ эмоціями... Это не что иное, какъ координированная система произвольныхъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ рефлекторныхъ дѣйствій и физиологическихъ измѣненій, имѣющая опредѣленное біологически-полезное назначеніе» (стр. 120). Но тогда самая «эмоція является логически совершенно излишнимъ звеномъ, рѣшительно ничего не объясняющимъ». Поэтому «эмоціи безъ всякаго ущерба для дѣла могутъ быть совершенно опущены» (стр. 122).

Конечно, не приходится совершенно распространяться, что проф. Петражицкій отнюдь не понимаетъ эмоціи, какъ «координированныя системы произвольныхъ дѣйствій», ибо онъ, разумѣется, не смѣшиваетъ психическихъ явленій (эмоцій) съ явленіями физическими (дѣйствія), какъ то дѣлаетъ проф. Орженцкій. А потому, слѣдовательно, онъ уже и не можетъ «опустить» за ненадобностью эмоціи, какъ поступаетъ несогласный критикъ. Но что же получается отъ такого «опущенія» эмоцій, яко-бы «безъ всякаго ущерба для дѣла»? Если мы станемъ объяснять что-либо исключительно «координированными системами дѣйствій», «опустивъ» ихъ психическую пружину, то ясно, само по себѣ, что мы ровно ничего не объяснимъ, ибо одними слѣдствіями (дѣйствія) безъ ихъ психологическихъ причинъ (эмоціи), конечно, объяснить ничего невозможно, а это уже наглядно говорить за то, что «опущеніе» эмоцій отнюдь не можетъ пройти «безъ всякаго ущерба» для научной работы, какъ полагаетъ проф. Орженцкій.

Въ связи съ такимъ «опущеніемъ» эмоцій рождается и такое утвержденіе критика, что, непринятіе проф. Петражицкимъ ученія объ «инстинктахъ» и замѣна его теоріей эмоцій является

простою «замѣною словъ» и ничѣмъ болѣе (стр. 121). Какъ извѣстно, проф. Петражицкій отвергаетъ такъ называемые инстинкты, какъ *единые* факторы, служащіе для той или иной цѣли; напримѣръ, «инстинктъ питанія», «инстинктъ самосохраненія» и мн. др. Онъ говоритъ: «суммы и совокупности, подмѣченныхъ въ разныхъ случаяхъ у разныхъ животныхъ, видимыхъ элементовъ разныхъ акцій множества разнородныхъ эмоцій представляются, незнающему этихъ разнородныхъ психическихъ факторовъ, наблюдателю чѣмъ-то единымъ вслѣдствіе единства «цѣли», т. е. вслѣдствіе обьективированія наблюдателемъ собственныхъ цѣлевыхъ представленій, отнесенія ихъ къ наблюдаемому явленіямъ; отсюда психологически естественное, хотя и наивное, предположеніе какого-то одного и одинаго фактора, заставляющаго животное дѣйствовать сообразно этой единой цѣли». На самомъ же дѣлѣ, здѣсь играютъ роль «акціи, или, точнѣе, нѣкоторыя, бросающіеся въ глаза и поверхностнымъ наблюдателямъ, незнакомымъ съ эмоціями и ихъ акціями, элементы весьма сложныхъ психическихъ и фізіологическихъ акцій многихъ и весьма различныхъ въ разныхъ случаяхъ эмоцій. Такъ что о существованіи какого-то предполагаемаго, одинаго «инстинкта питанія» (и т. под.) не можетъ быть и рѣчи»³⁾. Понятіе и знаніе «спеціальныхъ эмоцій» и ихъ акцій, т. е. тѣхъ эмоцій, которыя «имѣютъ тенденцію вызывать опредѣленное, специфическое, къ нимъ специально природоу приуроченное поведеніе, вообще опредѣленныя системы фізіологическихъ и психическихъ процессовъ» (напримѣръ, голодъ, жажда, половое возбужденіе и мн. др.) должно наглядно показать, что нивакихъ «мнимс-единыхъ силъ»—«инстинктовъ» не существуетъ вовсе. «Въ разныхъ областяхъ животной жизни дѣйствуютъ системы спеціальныхъ эмоцій и ихъ акцій, цѣлесообразно приспособленныхъ къ условіямъ жизни, въ томъ числѣ замѣтныхъ и для поверхностнаго наблюдателя элементовъ этихъ акцій—тѣлодвиженій. Напримѣръ, питаніе животныхъ цѣлесообразно регулируется системою разныхъ эмоцій: голодомъ—аппетитомъ, жаждою, разными репульсіями, не допускающими ѣды и питья вредныхъ веществъ, а равно излишества, охот-

³⁾ Введеніе, 1907 г. стр. 327.

ничьими и нѣкоторыми другими эмоціями, дѣйствующими въ области добыванія объектовъ питанія» ⁴⁾.

Какъ видно, рѣчь идетъ отнюдь не о простой «замѣнѣ словъ», а о выясненіи психической природы, сущности соответственныхъ психическихъ явленій. Не даромъ такой авторитетный ученый, какъ М. М. Ковалевскій, сказалъ по этому поводу: «авторъ (Петражицкій) очень остроумно доказываетъ, что инстинктовъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ» ⁵⁾.

III.

Далѣе идутъ полемическія страницы о цѣлевомъ, цѣлесообразномъ характерѣ поведенія. Дѣло въ томъ, что проф. Петражицкій считаетъ «бореннымъ заблужденіемъ», основаннымъ на смѣшеніи практической и теоретической точекъ зрѣнія, то положеніе: «будто всякіе наши поступки имѣютъ извѣстную цѣль, будто дѣйствія безъ цѣли что-то нелѣпое, невозможное» и т. п. ¹⁾. Напротивъ, онъ утверждаетъ, «что преобладающая масса дѣйствій людей и животныхъ имѣетъ безцѣльный характеръ, совершается вовсе не для достиженія какой-либо цѣли, основывается не на цѣлевой, а на иныхъ видахъ мотиваціи». При т. наз. «основной мотиваціи» дѣйствія совершаются не «для того, чтобы», а «потому что», не ради какой-либо цѣли, а лишь подъ вліяніемъ извѣстныхъ эмоцій. Ибо «разъ есть на лицо эмоція, то она стремится вызвать соответственную акцію, не спрашивая, такъ сказать, о томъ, нужно ли это для какой-либо цѣли или не нужно... Можно, напримѣръ, даже утверждать, — продолжаетъ проф. Петражицкій, — что если кто-либо раздражается бранью или выражаетъ «благородное негодованіе», восторгъ или т. п. «для того, чтобы», то это комедія, притворство, а не подлинное выраженіе гнѣва, негодованія, восторга» etc. (ibid. стр. 15). Къ тому же «многіе виды человѣческаго поведенія по самой природѣ своей исключаютъ цѣлевую, касающуюся *будущаго*, мотивацію

⁴⁾ Теорія права, I, стр. 6 и 9.

⁵⁾ „Мораль и право“. „Русск. Вѣдомости“, 1907. № 235.

¹⁾ Теорія права, I, стр. 14—15.

и предполагают непременно мотивацию, исходящую изъ *прошедшаго*» (напримѣръ, при воспоминаніи нанесеннаго оскорбленія и т. п.) ²⁾.

Дальнѣйшимъ, чуждымъ цѣлевыхъ расчетовъ и представленій, видомъ мотивации является мотивація *объектная* или предметная (стр. 16), при которой аппульсивныя, или репульсивныя эмоціи, вызываемыя воспріятіемъ соответственныхъ объектовъ (напр., хлѣба со стороны голоднаго, мыши со стороны кошки etc.), вызываютъ, въ свою очередь, безъ всякихъ цѣлевыхъ соображеній соответствующія тѣлодвиженія. Такъ, напримѣръ, «драматическія сцены преслѣдованія однихъ животныхъ другими, напримѣръ, мыши, зайца, оленя со стороны хищныхъ животныхъ, представляютъ одновременную иллюстрацію и аппульсивной и репульсивной мотивации этого рода. Мчащееся впереди животное приводится въ движеніе сильною репульсивною эмоціею (страхомъ), мчащееся сзади—сильною аппульсивною эмоціею (охотничьимъ моторнымъ возбужденіемъ)» (стр. 16). Именно, объектная мотивация представляетъ собою наиболѣе обыденный и распространенный видъ мотивации въ человѣческой и животной жизни,

²⁾ Такую мотивацию проф. Петражицкій называетъ „основною мотивациею“ (стр. 15—16) потому, что поведеніе здѣсь происходитъ на извѣстномъ *основаніи*, напримѣръ, изъ-за встрѣчи любимаго человѣка, смерти матери etc. Намъ кажется, что терминъ этотъ неудаченъ, ибо онъ не выражаетъ существа самой мотивации. Вѣдь и прочія мотивации также дѣйствуютъ не безъ основанія, а имѣютъ каждая свое основаніе, напримѣръ, представленіе объекта, цѣли etc., такъ что и къ нимъ данный терминъ можетъ быть отнесенъ равноправно. Въ данной мотивации существо дѣла лежитъ въ *непосредственности*, т. е. безкорыстности поведенія. Напримѣръ, человѣкъ радуется, прыгаетъ, смѣется при встрѣчѣ любимаго человѣка именно, „потому что“, т. е. потому что ему необходимо радоваться, смѣяться и т. д., въ этомъ поведеніи выражаются *непосредственно*, т. е. безкорыстно его психическія переживанія по адресу любимаго лица. Въ такую минуту человѣкъ далекъ отъ всякихъ побочныхъ (цѣлевыхъ и т. п.) мотивовъ и внѣшне обнаруживаетъ лишь то, что внутренне переживаетъ. Поэтому намъ представляется, что для соответственнаго, непосредственнаго, безыскусственнаго поведенія и eo ipso мотивации можно было бы предложить терминъ, именно, „непосредственная мотивация“, какъ отражающій въ себѣ *специфическую* особенность данной мотивации поведенія въ отличіе отъ прочихъ.

а отнюдь не цѣлевая. «Если произвести научный психологическій діагнозъ мотиваціи, лежащей въ основаніи тысячъ совершаемыхъ нами ежедневно тѣлодвиженій, то окажется, что сотнямъ случаевъ предметной мотиваціи соотвѣтствуютъ единичные случаи цѣлевой» (стр. 17). Традиціонное же конструированіе поведенія питанія, въ частности добыванія ѣды, питья, дѣйствій охоты, поведенія половой жизни и т. п., какъ дѣйствій ради извѣстной цѣли, представляется проф. Петражицкому «наивнымъ антропоморфизмомъ, некритическимъ приписываніемъ животнымъ, едва ли вообще способнымъ къ цѣлевымъ расчетамъ (предполагающимъ знаніе законовъ причинной связи), своихъ собственныхъ тонкихъ и сложныхъ интеллектуальныхъ процессовъ» (стр. 17).

Проф. Орженцкій не убѣждается доводами Л. І. Петражицкаго и считаетъ, что Петражицкій «смѣшиваетъ понятіе цѣли съ понятіемъ разумной или обдуманной цѣли», когда «отвергаетъ самую наличность цѣли во многихъ случаяхъ поведенія, гдѣ она вообще принимается, какъ несомнѣнный фактъ» (стр. 123). Такъ, напримѣръ, проф. Орженцкій полагаетъ, что «если подъ вліяніемъ пережитой обиды, человекъ наноситъ другому ударъ, дѣйствіе его несомнѣнно имѣетъ цѣль—оскорбить, причинить зло» (стр. 123); или, напр., говоритъ проф. Орженцкій: «если я обнаруживаю свое уваженіе къ кому-либо, то несомнѣнно, я совершаю дѣйствіе, имѣющее опредѣленную цѣль» (стр. 124). На это слѣдуетъ отвѣтить: во 1-хъ, указаніе, что Петражицкій отвергаетъ цѣлевой характеръ поведенія тамъ, гдѣ цѣль «вообще принимается, какъ несомнѣнный фактъ», ни на іоту не ослабляетъ утвержденія проф. Петражицкаго; во 2-хъ, считать недоразумѣніемъ непризнаваніе цѣлевого характера за дѣйсгвіями, не имѣющими иной цѣли, вромѣ цѣли непосредственнаго «проявленія чувства» (стр. 123—24), является, въ свою очередь, психологическимъ недоразумѣніемъ. Дѣло въ томъ, что цѣлью является нѣчто полагаемое въ будущемъ, къ чему слѣдуетъ стремиться, дѣйствія же ради „цѣли“ проявленія внутреннихъ переживаній, или дѣйствія ради самыхъ дѣйствій къ понятію цѣли, отнюдь не могутъ относиться; т. е. оказывая уваженіе, радость, etc, подъ непосредственнымъ вліяніемъ соотвѣтственныхъ переживаній, мы этимъ отнюдь не имѣемъ въ виду никакой цѣли оказанія уваженія, радости и т. п.,

дѣйствуемъ не „для того, чтобы“, а именно *потому что* иначе дѣйствовать не можемъ, такъ дѣйствовать (даже безсознательно) заставляютъ самыя переживанія. Поэтому, напримѣръ, и утверженіе о «несомнѣнности» такой „цѣли“ также не въ силахъ доказать что-либо, хотя бы эта несомнѣнность «вообще признавалась» и авторитетами проф. Орженцкаго. Въ психологіи дѣло не въ авторитетахъ, а въ умѣніи отличить релевантно существенное явленія отъ несущественнаго, хотя и сопутствующаго. Такъ, въ данномъ случаѣ существо дѣла—въ дѣйствіи *эмоции* (гнѣва, радости и т. п.), а отнюдь не въ томъ, что это дѣйствіе совпадаетъ съ моею цѣлью выразить гнѣвъ, радость и т. п. Подлинное же проявленіе обычно свободно отъ всякой цѣли.

Не менѣе неудачно и отрицаніе проф. Орженцеимъ дѣйствія объектной или предметной мотиваци. Онъ находитъ, что и въ этомъ случаѣ на лицо имѣется цѣль. Такъ, на указаніе Петражицкаго, что при видѣ мыши кошка бросается за нею и т. п. подвляніемъ данной мотиваци проф. Орженцкій возражаетъ, что «у человѣка бываетъ иначе... видъ умывальника не заставляетъ непременно умываться и видъ платья не заставляетъ непременно надѣвать его» (стр. 124). Но, конечно, такого наивнаго утверженія проф. Петражицкій и не выставлялъ никогда, и самое возраженіе критика основано на недоразумѣніи. Петражицкій вовсе не говорилъ, что человѣкъ, увидѣвъ хлѣбъ, непременно станетъ ѣсть его, или, увидя умывальникъ—умываться, папиросы—курить и т. д., но онъ говорилъ, что *голодный* человѣкъ при видѣ даннаго хлѣба возымѣетъ стремленіе съѣсть его, *алкоголикъ* при видѣ водки—выпить ее, *курильщикъ* при видѣ папиросы—курить ихъ и т. д. Но это, конечно, не одно и тоже. Все дѣло въ вызовѣ при посредствѣ воспріятія объектовъ соответственныхъ эмоцій, напримѣръ, голода-аппетита, охотничьихъ, курительныхъ и проч., совершенно независимо отъ какой бы то ни было цѣли, эвентуально преслѣдуемой данными дѣйствіями. Правильно замѣчаетъ проф. Петражицкій, что «природа поступила бы въ высокой степени нецѣлесообразно съ точки зрѣнія охраны и развитія жизни, если бы она устроила мотивацию движеній живыхъ существъ такъ, что безъ цѣлевыхъ расчетовъ невозможно было бы никакое дѣйствіе: это было бы громадною растратою жизнен-

ной энергіи и времени, особенно зловредною для существъ въ тѣхъ случаяхъ, когда для спасенія жизни и удачнаго осуществленія иныхъ біологическихъ функцій требуется моментальная реакція, вообще быстрое приспособленіе къ обстоятельствамъ»³⁾. Но проф. Орженцкій остается неумолимъ въ своемъ отрицаніи, находя, что всѣ аргументы проф. Петражицкаго не болѣе, какъ «недоразумѣніе». Достоиню вниманія, что другой, едва ли менѣе авторитетный критикъ данной теоріи—М. М. Ковалевскій считаетъ разсужденія проф. Петражицкаго о нецѣлевомъ характерѣ поведенія «одною изъ интереснѣйшихъ страницъ» его труда. А по поводу традиціоннаго объясненія примитивныхъ дѣйствій животныхъ и людей наличностью познанія, чувства и воли заявляетъ: догадка Петражицкаго о томъ, что въ данномъ случаѣ «источникъ заблужденія лежитъ въ искусственномъ антропоморфизмѣ, въ приписываніи богато-развитой и сильно-дифференцированной психики тому, что носитъ на себѣ печать примитивности, мнѣ кажется вполне справедливою и заслуживающею признанія»⁴⁾.

Что касается *нормативнаго* характера нѣкоторыхъ переживаній и сужденій, то проф. Орженцкій не нашелъ объясненія такого въ ученіи Л. І. Петражицкаго. А между тѣмъ, онъ справедливо полагаетъ, что этотъ вопросъ самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ объясненіемъ природы права и нравственности и безразличенъ, вообще, для объясненія сущности социальнаго явленія (стр. 131), что, главнымъ образомъ, и интересуется критика (стр. 111). «Проф. Петражицкій даже, повидимому, и не усматриваетъ здѣсь никакого вопроса», — замѣчаетъ проф. Орженцкій (стр. 130). Но если бы критикъ захотѣлъ болѣе внимательно всмотрѣться въ соотвѣтственныя мѣста ученія «психологической теоріи права», то онъ нашелъ бы у проф. Петражицкаго отвѣтъ и на поставленный выше вопросъ. (См. Теорія права, I стр. 17—19; стр. 21—22; стр. 26—38). Данный вопросъ разрѣшается проф. Петражицкимъ въ связи съ ученіемъ о нормативныхъ или принципиальныхъ сужденіяхъ и объ особенно-

³⁾ Теорія права, I. стр. 17 примѣч.

⁴⁾ Русск. Вѣдомости, 1907. № 235.

стяхъ въ характерѣ переживанія этическихъ эмоцій. Достаточно внимательно прочесть указанные здѣсь страницы «Теоріи права», чтобы сразу же разсѣялось недоразумѣніе проф. Орженцкаго.

Равнымъ образомъ критику «представляется неубѣдительнымъ и то различіе, которое проф. Петражицкій проводитъ между правомъ и нравственностью» (стр. 132). «Что правовыя нормы имѣютъ двусторонній императивно-аттрибутивный характеръ, это очевидно;—рѣшаетъ проф. Орженцкій,—но чтобы нормы нравственности имѣли исключительно императивный характеръ, это противорѣчитъ моимъ представленіямъ о нравственности» (стр. 132). Здѣсь снова всплываетъ традиціонное несогласіе критиковъ (начиная съ проф. Е. Н. Трубецкого) съ пониманіемъ психологической природы нравственности и права проф. Петражицкимъ. Подробно останавливаться на этомъ несогласіи я уже не буду, такъ какъ отвѣтъ на подобное возраженіе отчасти имѣется у проф. Петражицкаго ⁵⁾, а также и въ моихъ статьяхъ: «Споръ психологической теоріи права съ теоріей «внѣшнихъ императивовъ» ⁶⁾. Укажу лишь, что принятіе *аттрибутивности* и для нравственности обязываетъ къ принятію *всѣхъ* тенденцій и свойствъ атрибутивной функціи. То есть необходимо признать и въ нравственности: и организаціонную, и распредѣлительную, и унификаціонную, и принудительную и пр. и пр. функціи и тенденціи, вытекающія изъ сущности *аттрибутивныхъ* (правовыхъ) явленій. Къ тому же слѣдуетъ признать въ такомъ случаѣ и «рефлекторную» природу императивности въ нравственности, и безразличіе мотивовъ исполненія нравственнаго долга и пр. и пр. ⁷⁾. Вообще, обвиненіе «психологической теоріи права» въ смѣшеніи права и нравственности представляется весьма страннымъ, ибо оно «исключается самою методологическою структурою и смысломъ этой теоріи»,

⁵⁾ О мотивахъ человѣческихъ поступковъ, 1904, стр. 27—28 примѣч. Ср. Теорія права, I. стр. 47—48 примѣч., а также т. II стр. 603—605 примѣч.

⁶⁾ „Право“ № 12 и № 30. Ср. мою брошюру: „Психологическая теорія права передъ судомъ русской юриспруденціи“, 1910. В. I. стр. 13—23.

⁷⁾ Теорія права, I стр. 68. Ср. мою статью: „Право“ № 12, особенно № 30 стр. 1846—48.

какъ уже и отмѣтилъ проф. Петражицкій по поводу даннаго обвиненія со стороны проф. Е. Трубецкаго ⁸⁾.

Новаго въ своемъ возраженіи проф. Орженцкій не сообщаетъ ничего, предлагая лишь схему различенія нормъ по санкции или авторитетамъ. Такъ, «обязательность однихъ (нормъ) основана на признаніи авторитета верховнаго существа (Бога),—нормы религиозныя, другихъ—на нашемъ собственномъ признаніи (совѣсти)—нормы нравственности, и третьихъ—на авторитетѣ людей (общества)—нормы права» (стр. 133). Но схема эта крайне сбивчива и поверхностна. Во 1-хъ, нормы *права* такъ называемаго сакрального, основаннаго на авторитетѣ Бога, включаются проф. Орженцкимъ въ *религію*; во 2-хъ, въ нормы *нравственности* входитъ у критика еще какое-то «нравственное право» ⁹⁾. Въ 3-хъ, самая нравственность у него всегда автономна, интуитивна («авторитетъ» совѣсти) въ то время, какъ право—только гетерономно, позитивно, какъ основанное на внѣшнемъ авторитетѣ общества, т. е. на нормативномъ фактѣ, что въ результатѣ даетъ, именно, позитивное право. И въ то же время онъ сливаетъ ихъ во-едино въ «нравственномъ правѣ», т. е. въ какомъ-то явленіи «*интуитивно-позитивнаго*» порядка, которое онъ выставляетъ въ качествѣ аргумента въ пользу своей классификаціи. Но развѣ возможно сознательно говорить о «*нравственномъ правѣ*», если считать (какъ это и дѣлаетъ проф. Орженцкій), что *право и нравственность различныя виды явленій*. Проф. Петражицкій рѣшительно возстааетъ противъ такого понятія. «Это—недопустимое въ наукѣ смѣшеніе понятій и терминологическій *non-sens*, развѣ признается, что право и нравственность два различныхъ вида явленій» ¹⁰⁾.

⁸⁾ Теорія права, II стр. 605 примѣч.

⁹⁾ Такъ онъ пишетъ: „Отецъ не только обязанъ въ силу нравственнаго долга заботиться о благѣ своего ребенка, но послѣдній имѣть *нравственное право* требовать этихъ заботъ“ (стр. 133).

¹⁰⁾ Теорія права, I, 1907, стр. 131. Ср. по поводу термина „Нравственное право“ мнѣніе проф. Кокошкина, который наглядно показываетъ, что слово „нравственный“ къ праву совершенно „непримѣнимо“ (Русск. государств. право, М. 1908. В. II, стр. 8). Ср. по этому поводу мои статьи: „Право“ № 12 и № 30.

Въ виду всего этого, классификація проф. Орженцкаго и не можетъ быть принята, ибо она не только не даетъ надлежащаго критерія для распознаванія различныхъ видовъ явленій (нормъ), принимая за отличительный признакъ (права) простой «нормативный фактъ» (внѣшній авторитетъ), но какъ разъ соединяетъ ихъ воедино, образуя сборныя, эклектическія группы, явно непригодныя для образованія научныхъ адекватныхъ классовъ какихъ-либо явленій ¹¹⁾.

Что касается, наконецъ, послѣдняго и главнаго вопроса — «о сущности соціальнаго явленія и отношенія послѣдняго къ психикѣ индивида», къ «уясненію» чего и стремится проф. Орженцкій, то здѣсь снова приходится констатировать рядъ недоумѣній и самопротиворѣчій критика и eo ipso расхожденіе его взглядовъ съ такими же проф. Петражицкаго.

Прежде всего, критикъ вполне согласенъ съ мнѣніемъ проф. Петражицкаго, «что всѣ вообще *соціальныя явленія* представляютъ собою извѣстныя *психическія переживанія* и что специфическая особенность соціальныхъ формъ и нормъ поведенія—ихъ *объективность*—является лишь *особеннымъ признакомъ* этихъ переживаній» (стр. 112). Но «откуда же берется эта *объективность* соціальнаго явленія?»—задается вопросомъ проф. Орженцкій (и сейчасъ же добавляетъ какое-то странное поясненіе)—«эта характерная *внѣиндивидуальность поведенія* индивида» (стр. 129). Только что онъ «соглашался», что «соціальныя явленія» суть не что иное, какъ «психическія переживанія», и что «ихъ объективность»—«лишь особенный признакъ» психическихъ переживаній, а теперь, вдругъ, «объективность» есть «внѣиндивидуальность поведенія». Счевидно, что что-то случилось? А случилось то, что, полемизируя съ проф. Петражицкимъ относительно дѣлевого поведенія людей, проф. Орженцкій дошелъ до признанія «*объективно существующихъ* формъ и нормъ поведенія» (стр. 126), или, «иначе говоря»,—до «*объективно существующихъ*

¹¹⁾ См. Л. I. Петражицкій, Введеніе въ изученіе права и нравственности, 1905, стр. 51 и 57. О непригодности для *differentia specifica* „нормативнаго факта“ см. мою брошюру: Психологич. теорія права предъ судомъ русск. юриспруденціи, 1910. В. I.

соціальных формъ и нормъ» (стр. 127). Поэтому-то теперь онъ такъ крѣпко и убѣжденъ, что *соціальныя* явленія доподлинно существуютъ *объективно*, независимо отъ индивидуальной психики, въ качествѣ *самостоятельныхъ вѣндивидуальныхъ готовыхъ* уже явленій (стр. 127—129). Теперь, по мнѣнію критика, оказывается уже, что «самыя *индивидуальныя* психическія состоянія являются лишь *отраженіемъ*, индивидуальнымъ воспроизведеніемъ и повтореніемъ *нѣкотораго (?)*, объективно, *внѣ индивидуальной психики* находящагося, *готоваго уже явленія*» (стр. 129). Но что это за «готовое» «объективное» соціальное явленіе, кто же его и изъ чего, такъ сказать, «приготовилъ»? Критикъ на это даетъ какой-то недоговоренный, и весьма неясный отвѣтъ: «это явленіе *когда-то (?)* и *какимъ-то (?)* образомъ возникаетъ *изъ психики индивидовъ*» (стр. 129). Но, вѣдь, только что самъ же критикъ увѣрялъ, что «*индивидуальныя психическія состоянія* являются лишь *отраженіемъ* *готоваго уже соціального явленія*». Какъ же «готовое» соціальное явленіе можетъ возникать изъ своихъ «отраженій»? Это звучитъ такъ же правомѣрно и логично, какъ если бы утверждать, что человекъ, находящійся передъ зеркаломъ, «возникаетъ» изъ своихъ «отраженій» въ зеркалѣ. Но таковы послѣдствія полемическихъ доказательствъ. Любопытно, далѣе, знать, какова же дѣйствительная природа «готовыхъ», «объективно существующихъ» соціальныхъ явленій и, затѣмъ, гдѣ таковыя явленія *sui generis* обрѣтаются или «объективно существуютъ»? Есть ли это какія-то сверхъ-человѣческія существа, или, вообще, «внѣиндивидуальные» объекты, видимые или невидимые, органическіе или неорганическіе etc., и существуютъ ли они въ видимомъ нами внѣшнемъ мірѣ или же за предѣлами онаго?.. таковы вопросы, разрѣшеніе которыхъ всецѣло лежитъ на проф. Орженцкомъ, повѣдавшемъ намъ о такихъ «объективно существующихъ» соціальныхъ явленіяхъ.

Но критикъ отлично знаетъ, что основную задачу теоріи соціальныхъ явленій и составляетъ, именно, объясненіе происхожденія *соціального* характера извѣстныхъ психическихъ состояній и процессовъ изъ психики *индивидовъ* (стр. 129), т. е. какъ образуется «изъ психическихъ процессовъ *индивида* внѣиндивидуальное *соціальное явленіе*» (стр. 128). Здѣсь опять, какъ видно, проф. Ор-

женціи снова возвращается къ своему согласію съ проф. Петражицкимъ, что всё *соціальныя* явленія представляютъ собою извѣстныя *психическія* явленія и даже, вдругъ, категорически утверждаетъ, что «иной психики, кромѣ психики индивидовъ не существуетъ» вовсе (стр. 127). Такого различное пониманіе проф. Орженцкѣмъ сущности соціальнаго явленія и отношенія его къ психикѣ индивида. Изъ всёхъ его разсужденій явствуетъ лишь одно, что они построены въ формѣ своеобразнаго силлогизма, но только, отнюдь, не логическаго.

Первая посылка: Всё *соціальныя* явленія представляютъ собою извѣстныя *психическія переживанія*, специфическая особенность которыхъ — *объективность* — является *лишь* особымъ *признакомъ* этихъ переживаній (стр. 112).

Вторая посылка: Иной психики, кромѣ *психики индивидовъ* не существуетъ (стр. 127).

(Отсюда, казалось бы, логически неизбежно вытекаетъ выводъ:— соціальныя явленія суть особыя явленія индивидуальной психики; но критикъ находитъ иной «логическій» выводъ).

Выводъ: Соціальныя явленія объективно существуютъ *вне индивидуальной психики* въ качествѣ самостоятельныхъ уже готовыхъ явленій *sui generis* (стр. 129).

И, послѣ всего этого, проф. Орженцкѣй все-таки упрекаетъ теорію проф. Петражицкаго, что она рѣшаетъ этотъ вопросъ «совершенно въ другомъ направленіи» (стр. 127) и потому, яко бы, «возвращаетъ насъ къ фізіократическому взгляду на общество, какъ механической комплексъ атомовъ-индивидовъ» (стр. 129), ибо проф. Петражицкѣй всякое *психическое* явленіе сводитъ къ психикѣ *индивида*.

Что проф. Петражицкѣй рѣшаетъ вопросъ о сущности соціальнаго явленія «совершенно въ другомъ направленіи», нежели проф. Орженцкѣй, и что для него всякое психическое (слѣдовательно и соціальное) явленіе *eo ipso* есть уже явленіе индивидуальной психики, это вѣрно подмѣтилъ критикъ; но что соціологическая теорія проф. Петражицкаго «возвращаетъ насъ къ фізіократическому взгляду на общество», этого утверждать критикъ серьезно, конечно, не могъ, ибо онъ фактически не могъ знать о теоріи соціальныхъ явленій

проф. Петражицкаго, такъ какъ она еще не опубликована, а въ распоряженіи критика былъ всего лишь первый томъ «Теоріи права», который объ этомъ вопросѣ и не трактуетъ, рассматривая право, лишь какъ *психическое* явленіе или *переживаніе*, а не какъ *продуктъ* и *факторъ* *соціальной* жизни.

Данное недоразумѣніе возникло у критика по поводу текста на стр. 101—102 «Теоріи права». «По его мнѣнію (т. е. по мнѣнію проф. Петражицкаго), говоритъ проф. Орженцкій, всякое психическое явленіе, въ томъ числѣ и всѣ правовыя явленія представляютъ исключительно индивидуальныя явленія, происходятъ только въ психикѣ одного (?) индивида; отношеніе же этихъ явленій къ психикѣ другихъ индивидовъ, какъ и самая наличность другихъ индивидовъ, являются въ данномъ случаѣ обстоятельствомъ случайнымъ и постороннимъ. Такой выводъ, по его мнѣнію, является необходимымъ результатомъ психической теоріи права» (стр. 129—130). «Послѣднее положеніе,—продолжаетъ критикъ,—безспорно, ошибочно; психическая точка зрѣнія на общественныя явленія вовсе не должна съ логической необходимостью вести къ отрицанію общественнаго характера явленій права, хозяйства, языка и т. п. и превращать ихъ въ чисто индивидуальные процессы психики—это было бы равносильно игнорированію характерной, указанной выше, особенности тѣхъ психическихъ процессовъ, которые въ отличіе отъ индивидуальныхъ явленій психики мы признаемъ соціальными, и вело бы къ грубому противорѣчію съ дѣйствительностью» (стр. 130).

Разберемся въ этомъ возраженіи. Дѣло въ томъ, что приводимое здѣсь критикомъ мнѣніе проф. Петражицкаго высказано послѣднимъ въ связи съ установленіемъ имъ объема понятія права въ *научно-психологическомъ* смыслѣ въ отличіе отъ права официально признаваемого, или права въ таѣмъ называемомъ «юридическомъ смыслѣ». Чтобы наглядно убѣдиться въ недоразумѣніи проф. Орженцкаго по данному поводу, необходимо остановиться на мнѣніи проф. Петражицкаго возможно подробнѣе ¹²⁾.

¹²⁾ Мнѣніе это таково. „Для установленнаго понятія права (какъ императивно-атрибутивныхъ переживаній) и его распространенія на соотвѣтственныя психическія явленія не имѣютъ никакого значенія не только

Ни о какомъ „отрицаніи общественнаго характера явленій права“ здѣсь (стр. 101—102) и помина нѣтъ. Рѣчь идетъ лишь о томъ, что право, какъ *психическое* явленіе eo ipso имѣетъ *индивидуальную* природу, ибо „всякое психическое явленіе происходитъ въ психикѣ индивида и только тамъ“. Отсюда ясно, что *самый фактъ* индивидуальнаго *переживанія* права возможенъ и дѣйствителенъ внѣ зависимости отъ чьего-либо признанія или непризнанія, а также и *психологическая* „природа его не можетъ измѣниться отъ того, происходитъ ли что-либо иное гдѣ-нибудь“ или нѣтъ. Но данное психологическое явленіе, кажется, трудно оспаривать, разъ признавать право *психическимъ* явленіемъ, а несогласіе съ даннымъ мнѣніемъ проф. Петражицкаго, именно, „и вело бы въ грубому противорѣчію съ дѣйствительностью“. Тѣмъ не менѣе, проф. Оржендквій полагаетъ, что данное мнѣніе равносильно „отрицанію общественнаго характера явленій права, хозяйства, языка и т. п.“. По нашему мнѣнію, такой выводъ „безспорно ошибоченъ“ и отнюдь, конечно, не является „необходимымъ результатомъ психической теоріи права“.

признаніе и покровительство со стороны государства, но и какое бы то ни было признаніе со стороны кого бы то ни было. Съ точки зрѣнія этого понятія и тѣ безчисленныя императивно-аттрибутивныя переживанія и ихъ проекціи, которыя имѣются въ психикѣ лишь одного индивида и никому другому въ мірѣ неизвѣстны, а равно всѣ тѣ, тоже безчисленныя, переживанія этого рода, сужденія и т. под., которыя, сдѣлавшись извѣстными другимъ, встрѣчаютъ съ ихъ стороны несогласіе, оспариваніе, или даже возмущеніе, негодованіе, не встрѣчаютъ ни съ чьей стороны согласія и признанія, отъ этого отнюдь не перестаютъ быть *правомъ, правовыми сужденіями* и т. д. Вообще всякое право, *всѣ правовыя явленія*, въ томъ числѣ и такія правовыя сужденія, которыя встрѣчаютъ согласіе и одобреніе со стороны другихъ, представляютъ съ нашей точки зрѣнія чисто и исключительно *индивидуальныя* явленія, а эвентуальное согласіе и одобреніе со стороны другихъ представляетъ нѣчто постороннее съ точки зрѣнія *опредѣленія и изученія природы правовыхъ явленій*, никакого отношенія къ дѣлу не имѣющее. Это неизбежно вытекаетъ изъ психологической точки зрѣнія на право. *Всякое психическое явленіе происходитъ въ психикѣ одного индивида и только тамъ, и его природа не измѣняется отъ того, происходитъ ли что-либо иное гдѣ-либо, между индивидами, надъ ними, въ психикѣ другихъ индивидовъ или нѣтъ; существуютъ ли другіе индивиды или нѣтъ, и проч.“*

Но вся вина отъ подобнаго вывода ложится исключительно на проф. Орженцкаго, а отнюдь не Петражицкаго, который и не думалъ никогда дѣлать такого вывода.

Не менѣе неудачно и приписываніе критикомъ проф. Петражицкому того, что „наличность другихъ индивидовъ является обстоятельствомъ случайнымъ для права“ (стр. 130). Ничего подобнаго проф. Петражицкій не говоритъ. Онъ говоритъ лишь, что *фактъ переживания* явленій права совершенно независимъ отъ того, имѣется-ли тутъ „наличность другихъ индивидовъ“ или нѣтъ. Но онъ совсѣмъ не учитъ о томъ, что право по своему происхожденію есть изолированно-индивидуальное явленіе независимое отъ общества. Специально по адресу проф. Орженцкаго можно и не распространяться по этому поводу, т. е., во 1-хъ, онъ не зналъ еще теоріи происхожденія права проф. Петражицкаго, о каковой въ первомъ томѣ его „Теоріи права“ нѣтъ рѣчи совершенно (а его только и имѣлъ въ виду проф. Орженцкій); во 2-хъ, потому, что простого сопоставленія подлиннаго мнѣнія Петражицкаго (на стр. 101—102 „Теоріи права“) съ передачей его критикомъ вполнѣ достаточно для нагляднаго показанія неправильнаго пониманія послѣднимъ ученія „психологической теоріи права“; въ 3-хъ же потому, что объ этомъ вопросѣ довольно подробно рассмотрѣно въ моихъ статьяхъ въ „Правѣ“ (№ 12 и, особенно, № 30). Отмѣтимъ лишь, что проф. Орженцкій въ данномъ случаѣ не различаетъ совершенно различныхъ вещей. Такъ, къ вопросу о правѣ, какъ особомъ классѣ психическихъ явленій, онъ привноситъ вопросъ о происхожденіи права и о причинномъ дѣйствіи его въ *соціально-психической* жизни. На самомъ же дѣлѣ эти три темы совершенно различны, и каждая требуетъ особаго, отличнаго отъ другихъ, самостоятельнаго ученія и рассмотрѣнія. „Наряду съ изученіемъ права самого по себѣ, какъ *особаго класса явленій* съ особою природою, особымъ составомъ, особыми характерными свойствами и т. д., задачей теоріи права — учитъ проф. Петражицкій—является затѣмъ 1) изученіе права, какъ *фактора*, построеніе теоріи причиннаго дѣйствія права и 2) изученіе права, какъ *продукта*, построеніе теоріи происхожденія и развитія права“¹³⁾.

¹³⁾ Теорія права, II, стр. 641.

Отсюда ясно, что проф. Петражицкій отнюдь не ограничивается въ своемъ ученіи разсмотрѣніемъ права, какъ особаго (индивидуальнаго) психическаго явленія, а развиваетъ теорію о правѣ, „какъ факторъ и продуктъ *соціально-психической жизни*“, вырабатывающемся въ сложномъ процессѣ *соціально-психического общенія* ¹⁴⁾. Онъ ясно и опредѣленно ставитъ вопросъ, говоря: „Явленія права состоятъ въ двусторонней причинной связи съ другими процессами *соціально-психической жизни*. Съ одной стороны, *право является факторомъ соціально психической жизни* и ея развитія, вызываетъ извѣстные дальнѣйшіе процессы въ области психики и поведенія индивидовъ и массъ и ихъ развитія. Съ другой стороны, *право само есть продуктъ дѣйствія извѣстныхъ соціально-психическихъ процессовъ*: оно соз-

¹⁴⁾ Ср. мою статью: „Основные стадіи въ эволюціи идеи „ближняго“. („Вопросы Обществовѣдѣнія“, Спб. 1910. В. II), гдѣ говорится о *соціально* значеніи психическихъ процессовъ, но отнюдь не въ смыслѣ какихъ-то „готовыхъ“, „объективно существующихъ“, „въиндивидуальныхъ“ явленій, какъ утверждаетъ проф. Орженцкій. Напр, стр. 231—232: „Когда говорятъ о *соціальной психологіи*, то наивно думать, что тутъ рѣчь идетъ о какой-то особой психикѣ *sui generis*, отличной отъ психикъ индивидуумовъ, составляющихъ данное общество; рѣчь идетъ лишь о томъ „фетишизмѣ“ общественной жизни, о которомъ говорилъ еще К. Марксъ, объ объектированіи въ нашемъ сознаніи нашихъ собственныхъ индивидуальныхъ переживаній, безсознательно проецируемыхъ во внѣ на т. наз. явленія *соціальной дѣйствительности*. Но выраженія „*соціальная психологія*“, „*соціально-психическіе процессы*“ имѣютъ свое разумное основаніе, поскольку подъ ними разумѣются не самостоятельныя явленія *sui generis*, а особая *модификаціи индивидуальной психики* общающихся людей. *Индивидуальная психика* имѣетъ *соціальное значеніе* потому, что она находится *въ общеніи* съ другими психиками. По свойству *эмоціональныхъ переживаній*, по тенденціи *ассоціативнаго теченія идей*, по способности къ воспроизведенію психическихъ переживаній, по началу заложенія *диспозицій, эмоціональныхъ слѣдовъ* и т. п. — психика *человѣчская* склонна къ воспріятію, къ зараженію тѣми или иными чужими переживаніями, выраженными во внѣ при посредствѣ дѣйствій, голоса, знаковъ, сигналовъ, символовъ и т. п. Образуется, какъ бы, нѣкоторая связь между психикой одного субъекта и другого, психическое взаимозараженіе и общеніе. Въ этомъ смыслѣ, именно, и можно говорить о *соціально-психическихъ явленіяхъ*, зная, что рѣчь идетъ всего лишь о *психикѣ индивидуумовъ, общающихся между собою*“.

дается и изменяется ими по законамъ причинной связи ¹⁵). Отсюда его учение о причинномъ дѣйствии права и о происхожденіи и развитіи права въ процессѣ интеллектуально-эмоціональнаго соціального общенія, въ каковомъ, именно, *индивидуально-психическое* правовое явленіе (модифицируясь) и становится явленіемъ соціальнымъ. Но, конечно (само собой разумѣтся), что самая *природа*, психологическое существо явленія *права*, какъ *переживанія*, отъ этой „соціализаціи“ нисколько не изменяется и *по существу* своему остается все тѣмъ же императивно атрибутивнымъ, *индивидуально-психическимъ* явленіемъ. Этимъ дается отвѣтъ на вопросъ: что такое право.

Покончивъ съ данной проблемой, проф. Петражицкій переходитъ къ слѣдующей, т. е. къ учению о правѣ, какъ *факторъ* соціальной жизни и eo ipso о причинномъ дѣйствии права, въ частности о мотиваціонномъ и культурно-воспитательномъ, педагогическомъ дѣйствии права ¹⁶). „Дѣло въ томъ, говоритъ проф. Петражицкій, что право, оказывая вмѣстѣ съ другими факторами *соціально-психической* жизни, въ томъ числѣ нравственностью, нормативной эстетикой и др., вліяніе на развитие человѣческой психики, изменяя человѣчскій характеръ въ направленіи приспособленія его къ соціальной жизни, само изменяется сообразно съ этими психическими измѣненіями, приспособляется къ нимъ. Общая, основная тенденція историческаго процесса образованія и измѣненія права заключается въ такомъ приспособленіи правовой мотиваціи и педагогики къ данному состоянію народной психики, что путемъ психическаго воздѣйствія соотвѣтственной

¹⁵) Теорія права, II стр. 641. См. также стр. 364, 479, 482, 483 и др. гдѣ ясно говорится о *соціальномъ* значеніи права.

¹⁶) Данное учение развито проф. Петражицкимъ въ § 7: о мотиваціонномъ и педагогическомъ дѣйствии права, что входитъ въ содержаніе *перваго* тома его „Теоріи права“, который былъ извѣстенъ проф. Орженцкому, но, повидимому, имъ игнорированъ. Дальнѣйшее обоснованіе даннаго ученія имѣется нынѣ въ новой главѣ (стр. 647 — 745) „Теоріи права“ проф. Петражицкаго (изд. 2. т. II. 1910) озаглавленной: „*Дѣленіе права на частное и публичное*“. Кромѣ того, см. „Теорію права“, т. II. 1910. стр. 486—487, а также разныя спеціальныя изслѣдованія проф. Петражицкаго, начиная съ „Fruchtvertheilung“ (1892 г.) и „Die Lehre vom Einkommen“ (В. I. 1893 и В. II. 1895), на что указываетъ и самъ проф. Петражицкій. (Теорія права, II, 1910, стр. 756.). Ср. тамъ же, стр. 688 и примѣчаніе.

правовой системы индивидуальное и массовое поведение и развитие народной психики направляется въ сторону общаго блага. По мѣрѣ приспособленія человѣческой психики къ соціальной жизни соотвѣтственно измѣняется... и право»¹⁷⁾. Но данный процессъ воздѣйствія и измѣненія права, разумѣется, говоритъ проф. Петражицкій, „не означаетъ, что какіе-то умные люди изучаютъ и измѣняютъ прогрессъ человѣческой психики и сообразно съ этимъ выдумываютъ право. Дѣло идетъ о бессознательномъ процессѣ *соціально-психическаго приспособленія*»¹⁸⁾.

Здѣсь проф. Петражицкій подходит вплотную къ вопросу о происхожденіи права, ибо для рѣшенія этой проблемы, какъ разъ, и требуется „образованіе и обоснованіе научной теоріи *соціально-психическихъ процессовъ*“, происходящихъ на почвѣ „психическаго общенія между членами соціальныхъ группъ»¹⁹⁾. Именно, въ процессѣ „эмоціонально-интеллектуальнаго *соціальнаго* общенія и психическаго взаимозараженія“ и вырабатывается *право*²⁰⁾. Таково пониманіе *соціальнаго* значенія и происхожденія права проф. Петражицкимъ.

Отсюда вытекаетъ, что только различая и строго разграничивая эти различные моменты разсмотрѣнія права: а) права, какъ *особаго класса психическихъ явленій* (императивно-аттрибутивное переживаніе), в) права, какъ *фактора соціально-психической* жизни и развитія культуры, с) права, какъ *продукта* бессознательно-удачнаго, *соціально психическаго* приспособленія въ сложномъ процессѣ интеллектуально-эмоціональнаго *соціальнаго* общенія, — только различая все это и можно надѣяться всесторонне разрѣшить проблему права, а также отчетливо понять и самую теорію проф. Петражицкаго; въ противномъ же случаѣ получаются лишь (неожиданныя для самихъ

17) Теорія права, II. стр. 652.

18) Теорія права, II. стр. 654

19) Теорія права, II. стр. 654—655.

20) Теорія права, II. стр. 655 и сл. Ср. тамъ-же, стр. 364: „Право, какъ и нравственность, представляютъ продукты бессознательно-удачнаго соціальнаго приспособленія ко благу и процвѣтанію обществъ и духовно-культурному воспитанію человѣчества“. См. т. II 1910, стр. 688; или еще стр. 483: „интуитивное право вырабатывается путемъ психическаго общенія въ разныхъ кругахъ и кружкахъ людей“, и мн. др.

критиковъ) недоразумѣнія при нападкахъ на данную теорію, отъ которыхъ страдаетъ, разумѣется, не „психологическая теорія права“, а научная цѣнность критики, направленной на данную теорію безъ яснаго сознанія существа дѣла ²¹⁾.

Что касается критики проф. Орженцеаго въ этомъ отношеніи, то слѣдуетъ сказать, что наблюдаемое въ ней отсутствіе правильнаго пониманія даннаго тройственнаго ученія (проф. Петражицкаго) о правѣ, имѣетъ, однако, нѣкоторое оправданіе въ незнакомствѣ критика со *всей* „Теоріей права“ проф. Петражицкаго ²²⁾. Вообще же, построенная съ значительной долей увѣренности въ сужденіяхъ, критика эта фактически въ большей своей части покоится на неправильномъ пониманіи ученія „психологической теоріи права“ и „эмоціональной психологіи“, что въ предыдущемъ изложеніи, думается, и было достаточно наглядно выявлено и обосновано.

00068353

ЮФ СПбГУ

²¹⁾ Ср. мою статью: „Право“, № 30.

²²⁾ Проф. Орженцкій разсматриваетъ только *первый* томъ „Теоріи права“.